

ДЕТСТВО, ШКОЛА, ПУТЕВКА

Какая широкая жизнь...
В ней слов настоящих немало,
А два воедино слились
И стали единственным – мама.

Эти строки из стихотворения Владимира Гузия «Мама». Не знаю, когда они написаны, да это и не главное. Главное, они посвящены любимому человеку – Любови Михайловне Кохан, которая родила Володю 24 января 1956 года на станции Кандагач Актюбинской области. Это центр Мугалжарского района Актюбинской области, железнодорожный узел линии Москва-Ташкент. Станция Кандагач (по-казахски Кандыгаш) образовалась в верхнем течении реки Илек в 1905 году в связи со строительством железной дороги Оренбург-Ташкент. На железнодорожной станции жила и трудилась семья Марии и Свирида Гузий.

В районе Кандагач умеренно-холодный климат, который характеризуется большим количеством осадков, выпадающих даже в самые засушливые годы. Воздух здесь горячий, влажный. Вряд ли эти природно-климатические факторы послужили поводом для переезда в другой регион страны. Скорее всего, захотелось сменить место жительства и работу. Выбрали Волгоградскую область. Так семья Гузий оказалась в г. Петров Вал.

Населенный пункт появился в 1942 году во время строительства Волжской рокады (рокада – железная дорога вдоль фронта, кстати, рельсы для строительства Волжской рокады были сняты с участков БАМа – ред.), предназначенной для снабжения войск, принимавших участие в Сталинградской битве. Название городу дано по находящимся рядом сухим руслу канала «Петров Вал», неудачной попытки Петра I соединить Волгу и Дон каналом через Волгодонский перешеек. Интересный факт истории. Строительство канала началось в 1697 году, но завершено не было, так как руководитель стройки Иоганн Бреккель украл средства на постройку и сбежал. Позже началась Северная война, и Петр I прекратил строительство. (Даже при Петре I воровали, что уж говорить о сегодняшнем дне?)

Петров Вал – узловая станция Приволжской железной дороги, на которой работали родители Володи. Она расположена на левом берегу реки Иловли (приток Дона), в 185 км от Волгограда и в 14 км от районного центра Камышин. В Петровом Валу и прошло детство Володи. Здесь ходил в школу, бродил с друзьями и братом Сергеем по окрестностям, посещал знаменитые монастырские обители, любовался церквями, небольшими часовнями старинных защитных фортов и поселений.

Основная специализация Камышинского района – сельскохозяйственное производство, в том числе выращивание ово-

Уходят лучшие, и мучает нас совесть, как будто бы могли мы их спасти

щей, картофеля, зерна. Но наибольшую известность району принесло выращивание бахчевых культур, среди которых главное место принадлежит арбузу. Даже в гербе района представлена эта культура. Школьникам района частенько приходилось участвовать в арбузной страде. Участвовал в ней и Володя. То время отражено в прекрасном стихотворении «Бахча», посвященном брату Сергею. Привожу в сокращении:

*«И вот начинается царство бахчи.
Вся в тыквенных глыбах бугрится равнина,
И в черных с зеленым тельняшках мячи,
И дыня плывет золотым цепелином.
Не надо уже поливать и полоть.
Хорош урожай. Мать не прячет улыбки.
И надо лишь взять теплый хлеба ломоть
И первый арбуз весь разрезать на скибки!
Мать смоеет со щек алый сахарный сок,
А черные семечки спрячет в тряпицу.
Откроет свои закрома туюсок,
Бидон забренчит, чтоб водой поделиться.
О, пиришество наше у щедрой бахчи,
Всё буду и буду к тебе возвращаться!
Не знаю, где мы потеряли ключи
От этого сладкого светлого царства.
Встречал я плоды интересней на вкус,
И солнечных мест повидал я немало,
Но слаще всего степь и первый арбуз.
Там брат загорелый и добрая мама.»*

Володя в школьные годы проявлял интерес ко всему, что его окружало, жадно вчитывался в книги и учебники. Интересовался литературой, дружил с историей, которую преподавала любимая учительница Е. П. Гаврилова. Спустя годы Володя напишет:

*«Моей учительнице восемьдесят лет.
Мы с ней на кухне сладкий пьем кагор.
И мне не разгадать ее секрет –
И ясный ум, и память до сих пор.
Она прошла войну, прошла сквозь ад,
Потом полвека в школе, день ко дню.
И за тепло, что грело всех ребят,
Я ей платок пуховый подарю.
Забыв, что мир за окнами суров,
Я словно в детстве целый день пробуду.
Любовь к истории во мне идет отсюда,
От этих мудрых и спокойных слов...»*

Любил историю, но предпочтение отдавал астрономии. После школы решил поступить в Московский университет, чтобы изучать небо профессионально, но не прошел по конкурсу. О литературном творчестве не задумывался, хотя увлекался поэзией и нередко выдавал стихи для команды КВН и других школьных мероприятий. Володя тогда даже предположить не мог, что судьба накрепко свяжет его с поэзией, что его жизнь, как и действительность, будет отражаться не просто словом, а стихотворной формой.

ВЫБОР ЦЕЛИ

Выбор был, но судьба распорядилась иначе. В 1974–1975 годах в стране ширилось движение комсомольцев и молодежи по освоению Сибири, Забайкалья, Дальнего Востока. Везде нужны были сильные молодые руки. В апреле 1974-го с комсомольского съезда отправляется на строительство Байкало-Амурской магистрали ударный отряд имени XVII съезда ВЛКСМ, а БАМ объявляется Всесоюзной ударной комсомольской стройкой. Принять участие в грандиозном проекте готовы тысячи юношей и девушек Советского Союза. Не остается в стороне и Володя. Девятнадцатилетний парень идет в Камышинский райком комсомола и требует выдать ему комсомольскую

путевку. После беседы с первым секретарем РК ВЛКСМ В. Авчинниковым заполняет анкету и получает путевку. С ней и уехал в Волгоград в обком ВЛКСМ, где в это время формировался для работы на БАМе ударный отряд «Волгоградский комсомолец». Родители не одобрили затею сына, пытались отговорить, но Володя настоял на своем.

Осенью 1975 года посланцы земли волжской прибыли на строительство железнодорожной линии Тынды-Беркакиг. Высадились на станции Могот. Станции как таковой еще не было, был только поселок, где базировался СМП-576 Управления строительства «Бамстройпуть», да механизированная колонна треста «Бамстроймеханизация». Вместе с отрядом «Якутский комсомолец» волгоградцы принялись обустройства поселка, рубить просеку под главный путь и автодорогу.

В тот день в Моготе среди встречающих отряд «Волгоградский комсомолец» был и я. Моя цель была – рассказать читателям об отряде, о задачах, которые ставило перед ним руководство «Бамстройпути». Когда парни и девчата разбрелись по комнатам, я заглянул в общежитие и обратил внимание на стенгазету, вывешенную в коридоре. Газета извещала о благополучном прибытии отряда на БАМ, делилась впечатлениями о Трансибе, призывала не подводить тех, кто готовил и отправлял комсомольцев и молодежь на стройку. В последней колонке значилось стихотворение, как бы венчающее все сказанное в самиздате. И подпись: В. Гузий. Надо встретиться. Спросил у проходящего мимо меня парня, знает ли он Гузия? Тот ответил утвердительно. Тогда попросил отвести меня к нему. В комнате среди других парней сидел и Володя. Мы познакомились. Я рассказал о газете «Байкало-Амурская магистраль», которую редактировал, о работающей при газете литературной студии «Звено». Расставаясь, сказал автору несколько лестных слов в адрес стихотворения и попросил не терять связи со «Звеном» и газетой. Володя обещал, на том и расстались.

Он сдержал своё слово. Через какое-то время в редакцию доставили конверт, в котором лежали первые стихи, написанные Гузием на БАМе. Они не подверглись правке и вскоре появились на страницах газеты «Байкало-Амурская магистраль».

ПОИСКИ СВОЕГО МЕСТА

Как творческая личность Владимир Гузий рос и развивался вместе со стройкой, став в один ряд с самыми талантливыми поэтами Дальнего Востока и Сибири. Не сразу к поэту пришла зрелость. Каких только профессий он за это время ни испробовал: был лесорубом, электромонтером, монтажником, художником-оформителем, мотористом, учителем русского языка и литературы, слесарем, корреспондентом газеты «БАМ», режиссером телестудии, старшим научным сотрудником музея истории БАМа, собственным корреспондентом газеты «Дальневосточная магистраль». Хотелось попробовать себя и в первом, и во втором, и в третьем, проверить на терпение, рассудительность, выносливость, пополнить багаж знаний в самых разных ситуациях и профессиях. И ему это удалось.

Гузий был предан отряду «Волгоградский комсомолец», но засиживаться в Моготе не хотелось. Владимир по-

далься в Сковородино, а потом в Тынду в составе энергопоезда. Интересовала и трасса, где с каждым годом строители приближались к заветной цели – стыковке магистрали, люди, которые сооружали БАМ. Многого надо было познать, многому научиться. Отсюда перемена рабочих мест, мест проживания, о чем я писал выше. Появившись в Тынде, Володя не забыл обещания не терять связи с литстудией «Звено» и в первый же день оказался в нашей жилищно-литературной бочке, в которой проживал начальник отдела энергетики, СЦБ и связи Дирекции строительства БАМа поэт О. Головкин. Олег к этому времени успел познакомиться с творчеством Володи и с нетерпением ждал с ним встречи как с собратом по перу и как руководитель студии.

ПОРА ЗРЕЛОСТИ

Этот период особенно был успешен для начинающего поэта. Бурные обсуждения рукописей, профессионализм Головкин как члена Союза писателей СССР делали свое дело. Стихи Гузия стали появляться на страницах не только местной, но и областной печати, в литературных журналах. Он рос на глазах, и мы, студийцы, искренне радовались его успеху. На волне первой популярности Гузий отправился в Москву и поступил в литературный институт имени А. М. Горького. Руководитель семинара предложил ему перейти на очное обучение. «Что вы! – возмутился Володя, – я же еще ничего толком не видел на БАМе». «Удивительно! – Оторопел педагог. – Другие студенты чуть не на коленях ползают – просят перевести на очное». Володя был не из тех.

Помогли творческому процессу литературные семинары, которые часто проходили на БАМе, участие во Всесоюзном совещании молодых литераторов, публикации в журналах «Дальний Восток», «Знамя», «Литературная учеба», в коллективных сборниках. Поэт все громче заявлял о себе. Собратья по литературному цеху оценили его творчество, в 2005 году приняв в члены Союза писателей России.

Гузий не знал, что такое спокойная жизнь. Дома его почти невозможно было застать: он в дороге, он в пути. Но стихи писал постоянно. Это не означало, что семья не волновала его. Он гордился своей семьей, квартирой, уютом, который создавала, заботясь о поэте, любимая Ирина Николаевна, подарившая ему двоих сыновей: Антона и Владимира. Жене он посвящает стихотворение «День брусники», сыновьям – «Скамья». О них идет речь и в других творениях поэта.

Как творческий человек Гузий принимал активное участие в общественной жизни города, стройки, области. Приходилось выступать и за пределами нашего края, на различных фестивалях бардовской песни, на кораблях Тихоокеанского флота. Он нес заряд бодрости, веры в торжество великих преобразований, связанных со строительством Байкало-Амурской железнодорожной магистрали. Больно воспринял Володя развал Советского Союза. И было от чего расстраиваться. В его стихах стали появляться поэтические строчки и образы, непривычные для советского человека. Писал, обличая многое и многих, с верой в то, что времена изменятся в лучшую сторону и к новой России

мир начнет прислушиваться, как прислушивался к СССР. Верил, что демократическая страна, как и раньше, будет любить поэтов, будет издавать их творения большими тиражами. Ожидая, пока это время настанет, Гузий все свои сбережения направил на издание книги «Чукчуду» – своей главной книги, над которой работал пять лет. Сборник вместил в себя 257 стихотворений. Книга вышла в Новосибирске в издательстве «Наука» не без помощи директора ООО «Бампресс» В. Н. Пьянова.

*На трассы прямые все время надеюсь,
Но к бурным порогам я снова приду.
Куда же я денусь, куда же я денусь,
Если вся жизнь у меня – Чукчуду.*

ЧУКЧУДУ

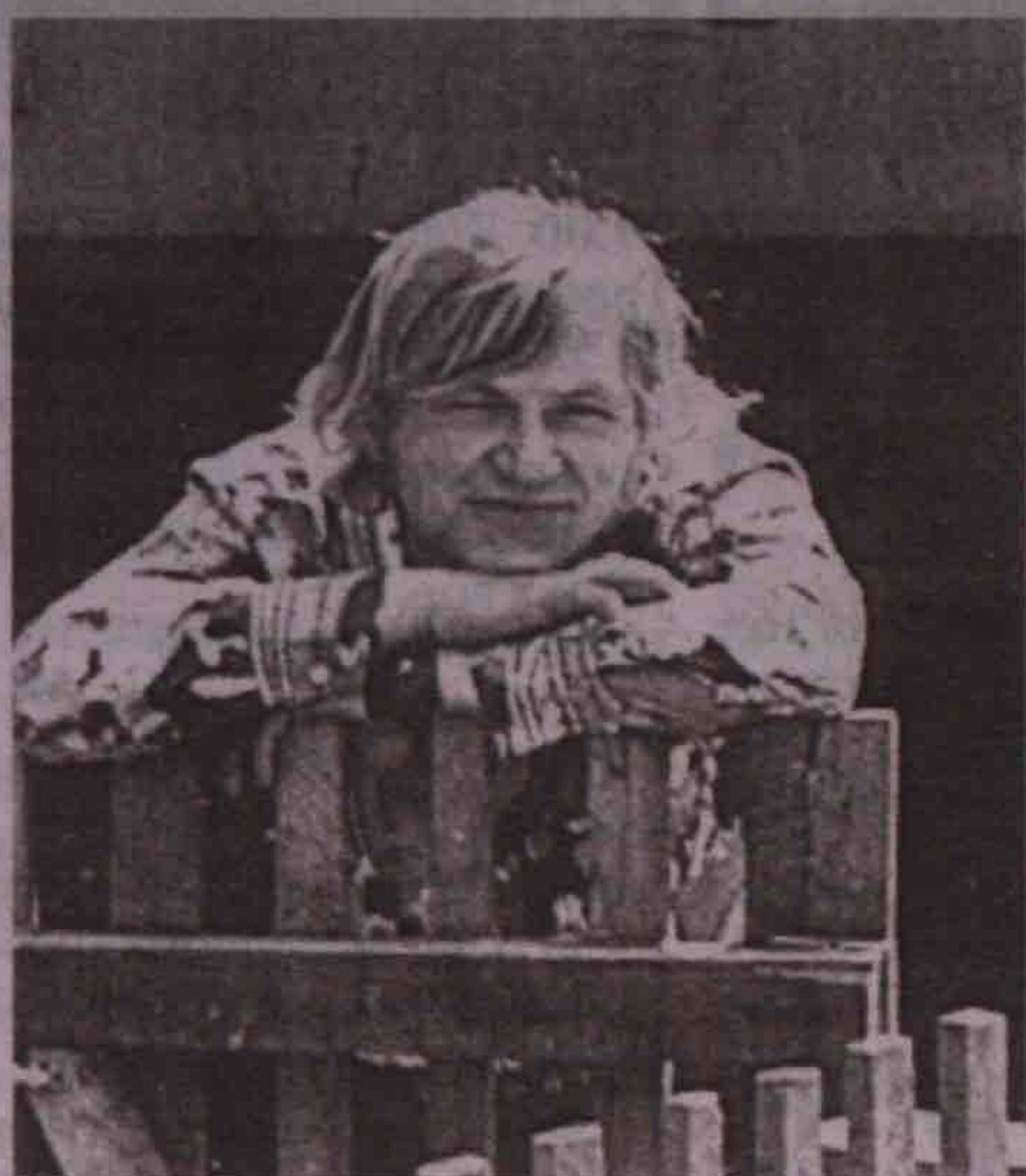
«Возвращение по кругу» – вот что обозначает эвенкийское слово «Чукчуду». Знакомишься со стихами Владимира Свиридовича, и охватывает тебя чувство гордости за то, что человек не сломался в перестроечное время, увлеченно продолжал свое дело, даря читателям прекрасные стихи не только о стройке, как считают многие, но и о любви, о своем времени, о красоте северного края, о друзьях, с которыми ходил в походы, сплавлился по рекам, варил уху, карабкался по удоканским хребтам и скалам в поисках золотого корня. Он был связан с природой нервущимися узами дружбы, и она отвечала ему тем же. Строчки о золотом корне:

*Цветок могучий и веселый,
Живущий в климате крутом,
Назвали странно – родиолой,
Еще и розовой притом.
Ему нужны ручьи и камни.
Ему в саду не прорасти.
И помогает он всегда мне,
Когда на водке навести.
Нет, он не горькое лекарство,
Нет, он не праздные цветы,
Он – золоченый символ царства,
Какому служим я и ты.*

«Чукчуду» – потрясающий поэтический сборник. К великому сожалению, узок круг читателей, знакомый с содержанием книги. Знакомясь с ней, видишь не только восхищение автора от встреч с природой, друзьями, любимой женщиной, но и ощущаешь боль за развал Советского Союза, за неуважение правителей новой России к стране, народу, к той же Байкало-Амурской магистрали. Ведь можно было и сломаться под тяжестью непродуманных реформ, грязи гламура, жажды потребления, потока лжи, лившегося с главных телевизионных каналов. Гузий не сломался, продолжал писать стихи с поправкой на время и сегодняшние российские реалии. В них, как и в написанных ранее, поэтическое начало брало верх над всем остальным. И в этом сила его поэтического дарования, сила личности талантливого человека, почетного гражданина г. Тынды.

ДАВАЙТЕ ВСПОМНИМ

К великому сожалению, творчество Гузия стали забывать современники. А если и возвращаются к стихам, вспоминают, как правило: «Тында», «К возвращению», «Последнее звено». Исключение – Пушкинский праздник поэзии, где звучат стихи, посвященные великому поэту, написанные Владимиром после посещения Михайловского. Это, конечно, крохи. **Обращаюсь к руководителям школ, колледжей, инсттута, к работникам культуры, печати: давайте в год десятилетия со дня смерти Гузия, в год 45-летия с начала масштабного строительства БАМа серьезно обратимся к творчеству поэта. Поверьте, он заслуживает**

этого. Доставайте стихи Гузия с полки, если нет, ищите в библиотеке, в музее, на страницах старых газет «БАМ» и «Авангард», в Интернете.

Много времени Гузий уделял и творчеству бамовских стихотворцев, сохраняя поэтическую историю «трассы века». Вдохновляющая, богатая героикой атмосфера «ударной комсомольской стройки» рождала стихи, полные оптимизма, уверенности в завтрашнем дне. О том, насколько богаты притрассовые посёлки и станции прозаиками и стихотворцами, говорят поэтические строки В. Гузия: «И, казалось, стройка сочиняет вся». О масштабах литературной деятельности на БАМе поэт знал не понаслышке. Он проделал колоссальную работу по сбору произведений о «стройке века», написанных как её участниками, так и профессиональными поэтами из разных городов Советского Союза. Итогом многолетнего труда В. Гузия стала антология «Цветы багульника», в которой опубликованы стихотворения и отрывки из поэм 128 авторов.

Не знаю, когда и при каких обстоятельствах написал Владимир эти строки, ставшие пророческими:

*Пусть тучи долго над бульваром
не расступятся,
И пусть подольше не приходит в город
лето,
Пусть длится март с сосульками,
распутицей,
Апрель порой смертелен для поэта.*

В обычном понимании ничего тревожного в строчках не находишь, прочел и перевернул страницу. Но когда в апрельские дни пронеслась по трассе весть о смерти поэта, поклонники его творчества приняли их совсем по-другому. Как объяснить предсказание? И почему именно апрель? Не так уж и много в этом месяце ушло из жизни известных авторов: Э. Асадов, В. Маяковский, А. Барто, Е. Евтушенко, М. Танич. Нам не дано познать связь земную с неземным миром, а её в какой-то миг ощутил Володя, и рука невольно зарегистрировала мелькнувшее мгновение на бумаге. Бред? Возможно, но факт остается фактом. Нить жизни поэта оборвалась именно в апреле, 13-го, в 2009 году.

Прошло 10 лет, как не стало Владимира Гузия. Ценили мы его при жизни или нет? Скажу откровенно, мы не умеем ценить тех, кто рядом, к Владимиру относились не как к творческому человеку, а как к обычному стихотворцу, ставя в один ряд с другими подмастерьями. А он, в отличие от них, был настоящим мастером, жил по своим законам, законам поэзии: дальше видел, более чутко слышал, тоньше понимал и глубже страдал, чем многие. На БАМе он был звездой, которая никогда не сгорит и не исчезнет из нашей памяти.

Иван ШЕСТАК

Фото из архива редакции